

Убедившись, что в палату никто не входит, Наньжун Цзинь подобрался ближе и принялся с любопытством разглядывать то, что было на Гу Бэйцы.

В конце концов пришлось смириться с реальностью: он ровным счётом ничего не понял.

Наньжун Цзинь с досадой опустил на стул у кровати. Похоже, учёба стала вопросом жизни и смерти.

Гу Бэйцы только открыл глаза, как тут же увидел перед собой огромное, красивое лицо, отчего его зрачки невольно сузились от испуга.

Не успел он позвать на помощь, как гость подал голос:

— Очнулся?

Услышав знакомый голос, Гу Бэйцы пришёл в себя:

— Ты чего так близко придвинулся?

Не дождавшись ответа, он вспомнил, что Наньжун Цзинь всё ещё остаётся неграмотным. Похоже, обучение Наньжуна Цзиня пора ставить во главу угла, иначе общение превратится в сплошную проблему.

Эта мысль нашла отражение в распоряжении, которое Гу Бэйцы дал вернувшемуся Лю Кунцину:

— Помощник Лю, сходите и купите для Наньжуна Цзиня планшет и телефон, принесите прямо в палату.

— Хорошо, господин Гу. А как быть с жильём для господина Наньжуна?

Лю Кунцин, выслушав указания, вдруг понял, что вопрос с размещением гостя до сих пор не решён, а сам он не осмеливался проявлять инициативу.

— Пока пусть живёт со мной в палате, дальше я что-нибудь придумаю.

Гу Бэйцы окинул взглядом просторный VIP-люкс больницы и принял решение.

— Слушаюсь, сейчас же всё куплю.

Лю Кунцин ушёл, по пути кивнув Наньжун Цзиню на прощание. Тот ответил лёгким поклоном.

VIP-палаты в этой больнице предназначались для пациентов с особыми требованиями к медицинскому окружению, особенно для Гу Бэйцы, страдавшего сильной брезгливостью. По сравнению с обычными палатами, здесь всё было иначе: от площади до уровня комфорта и обслуживания. К тому же эта клиника была частной собственностью самого Гу Бэйцы, поэтому условия в его палате были безупречны.

Первое, что бросалось в глаза — это простор и обилие света. Комната была по-настоящему огромной. Интерьер отличался лаконичной элегантностью: широкая удобная кровать с

постельным бельём высокого качества, отдельный санузел и даже дополнительная кровать для сопровождающего. Предусмотрели всё: беспроводной интернет, телевизор с большим экраном, уютный диван и полноценное рабочее место. Скорее, это был не больничный номер, а миниатюрная копия дома и офиса.

Гу Бэйцы посчитал, что места здесь вполне хватит на двоих, а совместное проживание позволит ему самому заниматься обучением Наньжун Цзиня.

Наньжун Цзинь прислушивался к бормотанию Гу Бэйцы, наблюдал за суетой помощника, но всё это казалось ему далёким и чужим. Он не понимал, о чём они говорят и что делают, словно молчаливый зритель, которому не дано постичь происходящее. Всё вокруг касалось его, и в то же время не имело к нему никакого отношения.

Гу Бэйцы случайно встретился с ним взглядом и вздрогнул: то странное чувство дистанции, то сближения, то отдаления, вернулось вновь. Нужно было что-то сказать, чтобы разрядить атмосферу.

— Помощник Лю пошёл за покупками. Когда он вернётся, я начну учить тебя основам.

— Хорошо, учёба.

Наньжун Цзинь уловил смысл этих слов и тут же сосредоточился. Он понял: Гу Бэйцы готов взяться за его образование.

В этот момент вернулся Лю Кунцин с целой горой пакетов. Оказалось, что, покупая технику, он вспомнил об отсутствии предметов личной гигиены, поэтому приобрёл и их тоже.

Когда Гу Бэйцы стало лучше, Наньжун Цзинь начал свой путь в мир современных знаний. Сначала — китайская фонетическая система пиньинь. Хотя в древности тоже существовали подобные системы, между ними были существенные различия. Несмотря на огромный объём материала, Наньжун Цзинь оказался смышлёным и освоил пиньинь меньше чем за день.

Затем началось изучение иероглифов. Даже будучи человеком, прочитавшим тысячи книг, Наньжун Цзинь столкнулся с трудностями: китайская культура глубока и обширна, а обилие омофонов, многозначных иероглифов и упрощённого письма требовало усилий. Впрочем, всё это оставалось в пределах допустимого, а способность Наньжун Цзиня проводить аналогии делала процесс обучения довольно лёгким.

Гу Бэйцы был поражён его успехами. Он и сам был неглуп, но такая скорость обучения всё равно удивляла. Не зря он был наследным принцем — способности к обучению у него были выдающимися.

Однажды, вновь изумившись успехам своего ученика, Гу Бэйцы не удержался и спросил:

— Твои прежние учителя, должно быть, очень любили тебя и гордились тобой?

К тому времени прошло уже четыре-пять дней, повседневное общение стало даваться Наньжун Цзиню без труда, а Гу Бэйцы готовился к выписке.

— Ты о наставнике? — задумавшись, ответил Наньжун Цзинь. — Он гордился мной, но был суров. Он хотел, чтобы я был лишён гордыни и нетерпеливости, постоянно учился и не затерялся среди простых людей.

Гу Бэйцы лишь молча выдохнул. При таких способностях Наньжун Цзинь вряд ли бы затерялся в толпе, даже если бы захотел. Похоже, быть наследным принцем — не такая уж лёгкая задача. Глядя на серьёзное лицо собеседника, Гу Бэйцы понял, что тот действительно опасается стать посредственностью, если перестанет учиться.

Гу Бэйцы вновь залюбовался его красотой. Наньжун Цзинь сидел в рабочем кресле, внимательно изучая материалы, принесённые помощником. Заходящее солнце окрасило комнату в багряные тона, словно накинув на тёмные волосы юноши красную вуаль, отчего родинка под глазом засияла ещё ярче. Его бледное лицо, подёрнутое дымкой заката, казалось неземным, но нахмуренные брови и перо в руках возвращали его в мир смертных.

Вдруг Наньжун Цзинь поднял глаза и поймал на себе взгляд Гу Бэйцы, который тот не успел отвести. Наньжун Цзинь лишь ещё сильнее нахмурился, но ничего не сказал. Он видел в глазах Гу Бэйцы лишь искреннее восхищение, а не что-то иное. Иначе... иначе он бы уже вырвал эти глаза.

Да, именно вырвал. Он помнил, как во время тайной поездки с отцом-императором один человек посмотрел на него с отвращением и осквернил его слух грязными словами. Его отец в гневе приказал выколоть тому глаза и отрезать язык. Тогда Наньжун Цзинь испугался, посчитав отца слишком жестоким. Но император сказал ему: Ты — наследный принц великой династии Даи, будущий правитель, и не должен терпеть подобного унижения. Власть императора не должна быть ни излишне мягкой, ни чрезмерно жестокой. Это был первый урок, который преподавал ему отец.

Заметив, что взгляд Наньжуна Цзиня становится всё более странным, Гу Бэйцы почувствовал холодок по спине.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Думаю, не вырвать ли тебе глаза?

Наньжун Цзинь, погружённый в воспоминания об уроках отца, невольно озвучил свои мысли.

— ?!